

Век. Москва - 1989 - 6 июля.
Поиски и находки

НЕ СЛУЧАЙНО говорят, что Пушкин изобразил на полях своих черновиков весь свет своего времени. Кого там только нет! Однако далеко не все его рисунки еще атрибутированы. Эти заметки — о семье Раевских, отдельные представители которой, среди прочих знакомых, давали поэту жизненный материал для его произведений. Но и вдохновляли также!

Известно, что из Екатеринославля Пушкин, обогретый вниманием семьи Раевских, отправился с ними лечиться на Кавказ, а затем был приглашен в Гурзуф. «В Гурзуфе прожил я три недели, — писал он своему младшему брату Льву, — мой друг, счастливейшие моменты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского... Старший сын его будет более, нежели известен. Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив... Любимая моя надежда — опять увидеть полуденный берег и семейство Раевского».

ва гор мой идеал» («Кавказский пленник») и «Татьяна милый идеал» («Евгений Онегин») — говорит о сближении этих произведений и как бы приоткрывает тайны его творческой лаборатории. Это «сближение» позволяет нам попытаться атрибутировать и некоторые рисунки на полях «Онегина».

Многозначительны пушкинские слова о Раевских в письме брату Льву (о Н. Н. Раевском): «Ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги для меня вечно незабвенные...». Ему и посвящен «Кавказский пленник», а характер старшего брата выведен Пушкиным и в одном, и в другом произведении. Удивительны «парный» портрет «Пушкин и Онегин» (Онегин, по моему мнению, — А. Н. Раевский) и набросок Пушкина в эскизе для выполнения иллюстраций к первой главе романа. В картинке этой рассказ о дружбе поэта с героем: «...Обоих ожидала злора, слепой Фортуны и людей на самом утре наших дней».

...После Кишинева Пушкин переезжает в Одессу, а потом в Михай-

ская узнала лишь одно лицо — Елизаветы Воронцовой, остались неузнанными хозяйка альбома Екатерина Ушакова и все та же Екатерина Орлова. Все ли это? Конечно, нет!

В 1836 году Пушкин вновь в Михайловском. Он пишет стихотворение «Вновь я посетил...», вспоминает свое изгнание, южную ссылку и «черты далекой бедной девы...». По определению А. Эфроса, описавшего и атрибутировавшего портрет Байрона на рукописи этого стихотворения, рядом с ним Пушкиным, изображена Тереза Гвичиолли, возлюбленная Байрона. Но это не так. Перед нами вновь вспоминаемая Пушкиным Екатерина Орлова (Раевская) — его «утаенная любовь».

Цявлóвская считала, что в рисунках к «Евгению Онегину» у Пушкина нет изображений его героев. Рисунки передают, по ее мнению, лишь общее впечатление об их душевном состоянии. Это не совсем так. Устойчивость женских образов на полях пушкинских черновиков говорит о другом — прото-

...И ГОРДОЙ ДЕВЫ ИДЕАЛ

ЗАГАДКИ РИСУНКОВ ПУШКИНА

В Крыму Пушкин вместе с Николаем Раевским и его сестрами впервые стал знакомиться с произведениями Байрона. Этому способствовало то, что Екатерина Николаевна владела английским и понимала поэзию этого английского поэта. Сколько от того времени незабываемых впечатлений! Впрочем, с этих лет Пушкин посвящал свои «байронические вдохновения» именно всем членам семьи Раевских. «Кавказский пленник» посвящен сразу и сестрам, и братьям. Эти посвящения и обращения к семье спора не вызывают. Что же касается того, кто из сестер был «утаенной любовью» поэта, исследователи спорят и по сей день, чаще отдавая первенство Марии Волконской (урожденной Раевской). Моя же версия иная.

На большинстве черновых рукописей Пушкина гораздо чаще встречаются портреты старшей из сестер — Екатерины. Они узнаваемы. Начиная с автографа «Кавказского пленника» и на полях последующих произведений, написанных в южной ссылке, везде «мелькает» ее профиль. Особенно в «Евгении Онегине». Интересно, что «черты далекой бедной девы» появляются на пушкинских черновиках чаще всего там, где жизненный путь гордой женщины как бы совпадает с ролью литературных героинь Пушкина. (Она же и Марина Мнишек в «Борисе Годунове», об этом Пушкин пишет в одном из писем.)

Екатерина Раевская вполне могла ввериться чести автора. Тайна рисунков до сих пор не была открыта. Наверно, не случайно на полях «Евгения Онегина» рядом со стро-

фами:

Кончаю! Страшно перечесть... Стыдом и страхом замираю... Но мне порукой ваша честь, И смело ей себя вверяю...
появляется образ Татьяны, в которой мы без труда узнаем ту же Екатерину Раевскую, ставшую к тому времени Орловой. А на одном из ранних черновых автографов Пушкина написано даже название «Таврическая звезда» — явный намек в адрес Екатерины Николаевны. Известно, что она внушила ему сильное чувство, но при этом и сама, вероятно, была увлечена им не на шутку. Все это и получило отражение в устойчивых мотивах на рукописях романа в стихах «Евгений Онегин».

Рисунки Пушкина — вещественное закрепление его дум и лучшее документальное свидетельство его отношения к адресату. Существенно и то обстоятельство, что они тесно связаны с поэтическими произведениями, являясь творческим импульсом возникновения сюжета. Связь рисунков на рукописи «Кавказского пленника» и «Евгения Онегина», особенно сюжетная линия — «И де-

ловское и там он продолжает работу над «Евгением Онегиным». В Михайловском узнает о восстании декабристов. Он сжигает свои автобиографические записки и вместо них ведет своего рода графический дневник, рисуя своих друзей-декабристов. В том числе и Раевских. Этот лист с тесно нарисованными в разных направлениях профильными портретами сохранился. Среди тех, кто на нем «узнан», — Николай и Александр Раевские, Сергей Трубецкой, Иван Пущин, Владимир Раевский, Сергей Муравьев-Апостол, Рылеев и... Мирабо.

Мне впервые удалось установить тождество изображения женского портрета на этом листе с Екатериной Николаевной Орловой (Раевской). Левее от нее зачеркнутый профиль ее мужа М. Ф. Орлова, первым арестованного среди «московских декабристов» (в Петербурге его не было). Судьба друзей волновала Пушкина в Михайловском...
Итак, начиная с появления Пушкина в Екатеринославле, после его встречи с семьей Раевских в Гурзуфе на его черновиках постоянно портрет Екатерины Раевской — мотив невозможности счастья, отданного другому навек. При всех последних увлечениях «память сердца» сохраняется. Даже в период мучительного жениховства, сватовства к Наталии Гончаровой в альбоме Ушаковых появляется портрет Раевской. Тут же и ревнивый портрет четы Орловых рука об руку. Рядом удивительный «донжуанский список», где названы три Екатерины, дополненный групповым портретом «трех граций». На нем Т. Цявлó-

вские типы его героинь в графике остались, и они вполне конкретны. Возле портретов Байрона и Раевской есть вычеркнутые поэтом строки: «Об испытанных юности моей, о (клевете), о строгом осуждении, о (милой) дружбе, сердце уязвившей мне горькой (...обидой)». Вероятно, характер этих строк продиктован Пушкину лирическим сюжетом «Кавказского пленника» — его первой «байронической» поэмы, где героиней была именно Е. Раевская (помните групповой портрет семьи Раевских на полях этой рукописи?!).

«Вы были вестницею славы и вдохновенья для меня», — признается Пушкин... Спустя годы мы можем назвать адресатов многих лирических стихотворений поэта. Не последнее место среди них занимает и Екатерина Николаевна Орлова (урожденная Раевская).

Людмила ШАТАЛОВА,
член Союза художников СССР.

На рисунках: 1. Портрет Екат. Раевской; 2. Портрет семьи Раевских и пушкинский автопортрет на рукописи «Кавказского пленника». Крайняя слева — Е. Раевская, под ней — Пушкин; 3. Черновик рукописи 3-й главы «Евгения Онегина». По нашим предположениям, с кием — А. Раевский (Онегин), в образе героини — Е. Орлова; 4. «Вольфовский» лист, сделанный в Тригорском в 1836 году. Пушкин среди своих друзей. Женский портрет — Екатерина Орлова, 5. Портрет — Байрона и Е. Орловой.